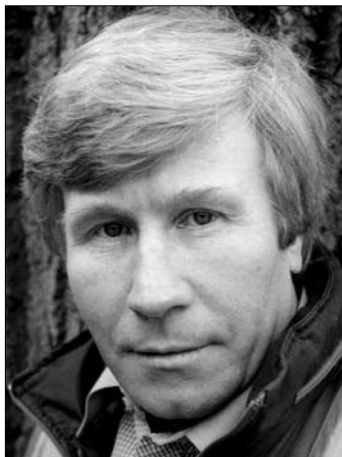

ГЕННАДИЙ МОРОЗОВ

ПАМЯТЬ ПРОЩАЛЬНОГО СЧАСТЬЯ...

* * *

Луга, овраги, лес да поле...
Как благодарен я судьбе
За то, что жил у тёти Поли
В её бревенчатой избе.
И было мне сквозь стены слышно,
Как свищет яростно пурга,
Как шелестят по нашей крыше
Сухие, жёсткие снега.
Синела наледь на окошках.
Клубился дым, летя в трубу.
В сенях зазябнувшая кошка
Просилась жалостно в избу.
Я открывал... Она вбегала.
За ней врывалась темнота.
Снежинка звёздная мерцала
На самом кончике хвоста.
За окнами темнели ёлки,
Белел сугробный буерак.
И завывали глухо волки
И в Трушкин прятались овраг.

МОРОЗОВ Геннадий Сергеевич родился в 1941 году в г. Касимове Рязанской области. Окончил Касимовский индустриальный техникум и Литературный институт в Москве. Работал в геологических экспедициях в Карелии и Якутии. Был редактором в издательстве "Лениздат". Автор более десятка книжек поэзии и прозы. Член Союза писателей России. Живёт в г. Касимове Рязанской области.

Я к тёплой печке прижимался,
Мой детский страх сходил на нет,
Как только гасик зажигался,
В избе рассеивая свет.
И думалось мне вечерами —
Нет, не про волчью маету:
Как может крохотное пламя
Теснить такую темноту?!

* * *

Какая глушь! Какая тишь!
Боишься шелохнуться...
Оцепенев, во тьму глядишь
И слышишь — шепчется камыш
С волною... Стебли гнутся.
Туманец бродит по стерне
Осокового лога.
Дрожа, льнёт облако к луне,
Льнёт смолка липкая к сосне,
Влажнеет сухость стога.
При звёздном светится огне
Большая шапка стога.
Краснеют прутья лозняка,
Желтеют оползни песка,
А лунный свет дробится...
Изнанка влажного листка
Рябит и серебрится.
Смерть не приемлет жизнь ростка,
Хоть к этому стремится.
А дух мой, коим я влеком,
Под сферою небесной,
Как в детском, дивном сне цветном —
Он то порхает мотыльком,
То бабочкой над бездной.

* * *

Река затихает... Всё мельче волна.
Не слышится рыбьего всплеска...
И душу мягчит не полей тишина —
Берёзовый блеск перелеска.
И в той, золотой, листопадной тиши,
Под нависью хвойного бора,
Природа, сердечную боль ублажи
Прохладой родного простора.
Ведь здесь, среди наших продутых полей,
Ложков, перелесков и пашен —
Живётся не то чтобы мне веселей,
Но горестный день мне не страшен.
А всё потому, что в ночной тишине,
Во дни затяжного ненастья —
Не сумрачный дух пребывает во мне,
А память прощального счастья.
Да вот же оно, за туманным окном,
Завешенным тучкой залётной...
Как ветрено, зыбко, незримо оно!
Как призрачно! И — мимолётно.

СТРОКА РУБЦОВА

Когда читаю я Рубцова,
То вижу, как родное слово
В его стихах поёт и плачет...
Сквозь сосен шум в них свадьба скачет,
Позвякивают бубенцы!
И свет летит во все концы.

Во все концы Руси безбрежной,
Святой, мятежной, грешной, нежной,
Такой бедняцкой в наши дни!
Не поленись — и загляни
В строку поэта... Родникова
Строка угрюмого Рубцова,

Но вместе с тем и весела,
Воспевшая печаль села.
И пусть она совсем не зычна,
Зато пластична и лирична...
И что отраднo — иронична!
А коль у жизни на краю,

То суть её всегда трагична —
Я в ней Россию узнаю.

* * *

Обычный ход зимы нарушен,
Деревья белые чернеют...
Я утром нынче обнаружил —
Повсюду оттепелью веет.
Она прибавила нам света.
И вот зима идёт на убыль,
Хоть до сих пор метельной метой
Нас метит и целует в губы.
Ещё лихи её замашки!
И по утрам крепки морозцы.
Не выбежишь в одной рубашке,
Чтоб зачерпнуть воды в колодце.
Я видел лик её жестокий
В часы разбойного набега,
Когда швыряла мне под ноги
Шуршащие ошмётки снега.
Морозные искрились блёстки...
И мне подумалось: о, Боже!
Какой у ней характер жёсткий!
И он с моим совсем несхожий.
Но ощущаю к нему тягу,
И хоть она — всё ненавистней,
Но без неё не сделать шагу,
Поскольку я натурой мягок
В ожесточённой этой жизни.

* * *

Денёк подрос почти что на вершок,
А зимушка снежком всё побелила.
И удлинился даже мой стишок,
В себя впитавший синие чернила.

Тускнеет день... И скоро на столбе
Зажжётся свет, сверкнёт в моём окошке.
И станут шастать вдоль по городьбе
Гулящие восторженные кошки.
На ветках иней и на проводах
Засеребрится... Нет ясней погодки!
И зачернеют на прибрежных льдах
Рыбачские оттаявшие лодки.
И отразит, мерцая, полныня
Теченье звёзд, их жизни свет небесный...
Застынет всё! Оцепенею я!
Тоска, как гирька, упадёт отвесно.
И упадая — канет в пустоту,
Бесшумно покидая моё тело...
Но вспыхнет Слово, точно уголь, во рту.
И мелкую мирскую суету
Возвысит до смертельного предела.

* * *

Памяти Юрия Кузнецова

Я помню Юру Кузнецова
Задумчивым и молодым...
Его живительное слово
Мерцало облаком над ним.
Мелькали рюмки, стопки, вилки,
А он читал стихи баском.
Опорожнённые бутылки
Теснясь, толпились под столом.
Его влекла не водка... Лира!
Он с нами был — и далеко...
Мысль постигала бренность мира
И воспаряла высоко.
Самих себя мы забывали...
И зов поэзии вкусив,
Его метафоры — взмывали!
Клубясь, слоился древний миф.
Струились образы... как реки.
Являли облик мудреца
Его припухнувшие веки
И нервность бледного лица.
И в цедээловском бедламе
Табачный дым свивался в жгут...
И кузнецовскими словами
Объят был воздух тех минут.
Они призывно не зывали
Ни к покаянью, ни к мольбе.
И тайно нас не искушали,
Но были сами по себе.
В них вспыхивала светосила,
Побег из мрачной пустоты
Туда, куда душа просила,
Узрев смертельные черты
Иного мира, запределья,
Где подсознание знать даёт
О том, что кончен век безверья,
Что жаждет веровать народ.
Он знал, он знал, творец суровый,
Что счастье — ветер, слава — дым...
И поэтическое слово
Мерцало облаком над ним.